

Аффект как изменение «мощи существования»: анализ мужского стыда как уменьшения, а гордости — как увеличения мощи

Научный руководитель – Четырова Любовь Борисовна

Абдулжина Анастасия Андреевна

Студент (магистр)

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.

Королева, Социально-гуманитарный институт, Самара, Россия

E-mail: nesstia@mail.ru

В современном дискурсе о маскулинности доминирует моральная оптика: стыд зачастую оценивается как негативное, разрушительное переживание, подлежащее преодолению, тогда как гордость и уверенность мыслятся безусловными благами, целью воспитания и признаками психологического благополучия. Но что служит основанием для такой иерархии? Не воспроизводит ли она лишь социальные нормы, оставляя за скобками вопрос о том, как эти аффекты реально изменяют саму способность человека быть, действовать и мыслить?

Обращение к философии Б. Спинозы и ее реинтерпретации в работах Ж. Делеза позволяет сместить угол зрения, где центральным становится понятие *potentia* — «мощи существования», понимаемой не как власть над другими, но как имманентная способность тела и духа к действию, расширению собственных границ, творчеству. Согласно Спинозе, аффект есть не порок и не добродетель, но переход к большей или меньшей степени совершенства, то есть модус изменения этой мощи [5]. Ж. Делез в «Практической философии» проводит принципиальное различие между моралью как системой внешнего суждения и этикой как имманентной типологией модусов существования, где единственным критерием выступает возрастание или убывание *potentia* [4]. Тем самым открывается инструмент, позволяющий оценивать аффекты не по их социальной желательности, а по их онтологическому эффекту.

Применение этого инструмента к анализу ключевых мужских аффектов обнаруживает парадоксальную картину. Мужской стыд, возникающий в ситуациях несоответствия нормативному образу «сильного Я», в спинозистской перспективе предстает как уменьшение мощи. Это переживание сжимает тело, блокирует речь, парализует волю. Однако важен не столько сам факт уменьшения, сколько то, что за ним следует. Если переживание стыда не подавляется, а становится предметом рефлексии, оно способно инициировать то, что М. Фуко в «Герменевтике субъекта» называл «заботой о себе» (*epimeleia heautou*) — практики, посредством которых индивид преобразует себя, стремясь к иному модусу бытия [6]. Вслед за А.С. Костомаровым, предлагающим мыслить «на стороне слабости» как особой антропологической позиции [2], мы можем утверждать: пережитый и осмысленный стыд способен стать точкой роста, отправным импульсом для обретения новой, более рефлексивной и гибкой формы *potentia*.

Иную динамику обнаруживает мужская гордость. В социальной иерархии аффектов она занимает безусловно позитивное место, трактуясь как свидетельство силы, зрелости, успеха. С точки зрения спинозистского критерия, гордость может быть понята как увеличение мощи существования — в тех случаях, когда она выражает реальное возрастание способности к действию и творчеству. Ключевой вопрос, однако, в том, что социально поощряемая уверенность зачастую оказывается привязана не к подлинному росту *potentia*, а к внешним знакам признания: статусу, власти, соответствию гегемонному образу маскулинности. В терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари из «Анти-Эдипа», такие аффекты

функционируют в логике «социальных машин», кодирующих желание и привязывающих его к застывшим образам [3]. Как отмечает С. Ахмед в «Культурной политике эмоций», эмоции не являются лишь нашим внутренним состоянием, они «прилипают» к телам, формируя поверхности и границы социального [1]. Социально одобряемая гордость прилипает к телу, маркируя его как «успешное», но эта привязанность к внешнему признанию делает субъекта глубоко зависимым от возможности утратить это подтверждение, а значит — блокирует его подлинную способность к действию. Она консервирует субъекта в предписанной идентичности, не оставляя пространства для становления, уязвимости, риска. Иными словами, социально поощряемая «уверенность» может быть токсичной и ослабляющей именно потому, что, имитируя силу, она парадоксальным образом уменьшает *potentia*.

Таким образом, применение спинозистско-делезианского критерия «увеличения/уменьшения мощи существования» позволяет осуществить концептуальный сдвиг: от моральных оценок — к анализу жизненных сил. Этот сдвиг открывает возможность, во-первых, увидеть в мужском стыде не только негативный аффект, но и потенциальный ресурс субъективации; во-вторых, распознать токсичность не в недостатке позитивных эмоций, а в тех формах гордости и уверенности, которые блокируют развитие, консервируя субъекта в социально одобряемых, но онтологически бесплодных идентичностях. Тем самым исследование предлагает инструмент различения продуктивных и деструктивных аффектов вне их привычной моральной оценки, открывая перспективу для анализа аффективной сферы в иных контекстах.

Список литературы

1. Ахмед, С. Культурная политика эмоций / С. Ахмед. — Новосибирск : Сибирский независимый университет, 2019. — 320 с.
2. Костомаров, А. С. На стороне слабости: антропологический очерк / А. С. Костомаров. — М. : РГГУ, 2024. — 240 с.
3. Делез, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — 672 с.
4. Делез, Ж. Спиноза. Практическая философия / Ж. Делез. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2016. — 216 с.
5. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза // Избранные произведения : в 2 т. — М. : Политиздат, 1957. — Т. 1. — С. 359–618.
6. Фуко, М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. — СПб. : Наука, 2007. — 677 с.